

«Поговорим о лесных кинозвездах»

Даже отправляясь на каникулы к бабушке в Батуми, девятилетний Тариэл не смог расстаться со своими любимцами — белыми мышами. Так и привез их в клеточке. Ах, зачем он поверил, что соседский мальчик только поиграет с ними. Больше мышей он не увидел. Уже почти сорок лет прошло. Но та давняя драма для него по-прежнему остра. Наверное, лишь с такой ранимой душой можно заниматься делом, которому самозабвенно предан Тариэл Варламович Габидзашвили — он дрессирует животных для киносъемок. Два десятилетия работал на «Мосфильме», ныне — сотрудник биофака МГУ.

А познакомились мы в Ашхабаде, на съемках фильма «Амуланга». Сюда, за три тысячи километров от Москвы, он приехал на специально оборудованной машине, чтобы убедиться, что у четырех матерых волчиц от излишних волнений, связанных с перелетом.

По сценарию предстояло воссоздать драму волчьей семьи: человек похищает волчонка, и мать-волчица мстит похитителю... Каждый шаг, каждое движение животного продумывалось до мелочей. Обращая внимание на лежащую на столе раскладку — в ней угадывается уверенная рука художника.

— Так ведь меня же в детстве от бездомных собак и кошек пытались отравить музыкой, рисованием скульптурой, — говорит Габидзашвили. — Я послушно рисовал и лепил... но все тех же кошек и собак.

— С чего же начался путь к вашей необычной профессии?

— Служил в армии, в Заполжье, и вот уже домой скоро ехать, как приблизился к нам пес. Жалкий такой, приласкался — и ни на шаг. Назвали его Мишкой. Умница, хоть и беспородный был. Взял его с собой.

И, знаете, видно, Мишку этого мне судьба послала. Жил он долго и воспитал щенка, которого мне подарили из питомни-

ка. Учил его уму-разуму, оберегал. Этот-то Топуш — помещик кавказской овчарки и московской сторожевой — по сей день моя «техника безопасности», главная страховка. Сильный, отчаянно преданный, он спас мне жизнь, когда на съемках фильма «Веселое волшебство» медведица Феня обезумела от сорокаградусной ятинской жары. А в «Земле Санникова» тоже в критической ситуации Топуш принял на себя трех волков.

Вот после армии, подружившись с Мишкой, я и понял, что животные — это мое дело. И прямо в гимнастерке приехал устраиваться в столичный зооцентр на Гланерной — отсюда снабжают зоопарки, цирки, торгуют с заграницей.

— А знания необходимые были?

— В детстве зачитывался книгами анималистов. Потом увлекся специальной литературой. Но, откровенно говоря, все книжные премудрости — пустой звук, если нет, простите за банальность, любви к живности. Дрессировщиков не готовят ни одно учебное заведение. Пониманию животного «выучиться» нельзя. Животные, подобно детям, очень чутки и на искренность, и на фальшь, они глубоко благодарные создания.

Помню, на базе появился хромой верблюд — видно, сильно наколот где-то подошву. После множества тщетных попыток наконец удалось приучить его к не очень приятной процедуре — парить ногу в ведре. Скоро мы сильно привязались друг к другу. Завидя меня, он бежал ласкаться. К слову, верблюжья ласка небезопасна. А когда его — ухоженного красавца — продали в Чехословакию и уводили, он обернулся, и в больших глазах я увидел слезы. Вот этого — расставания с животными, которых «выяничал» — я и не выдержал. Ушел на зообазу «Центрнаучфильма». Поменял столицу на Владимирскую область, зарплату в 80 рублей на 50. Зато мог видеть результаты своего труда. Закрепили за мной медведей, волчат, лосиху с олененком...

База в идеале, существует для того, чтобы лесные и полевые младенцы, вскормленные из соски, приучались там с «малых ногтей» к людям, к съемкам. И при этом привольно жили на природе. На деле все куда прозаичнее. И — не побоюсь этого слова — страшнее. Содержать животных хлопотно и дорого. Поэтому судьба их драматична. Сначала нещадно эксплуатируют, а потом они становятся не нужны. Если

заявки на съемки иссякли, от них избавляются. И вот уже вчерашние четвероногие артисты — на прилавке магазина «Дары природы»: пожалуйста, медвежатица, оленина... Другие становятся шапками. Вот вам и «мы в ответе за тех, кого приручили».

Дико бесчеловечно, но это так. Директора базы без конца меняются. Однако порядки остаются неизменными. Нужен основательный ремонт, строительство, нормальные условия для животных, удобные для работы оператора вольеры. А там лишь без конца красят финские домики, где живет персонал. Когда понял, что плетью обуха не перешибешь, ушел окончательно.

— В ваших отношениях с животными все время звучит грустная нота расставания...

— Да нет, не всегда. С медведицей Микой мы недавно отметили 25-летие совместной творческой деятельности. А ведь все могло быть иначе. Я вовремя узнал, что ее готовят «списать» и выкупил с базы. Уже после этого она снялась во множестве игровых и документальных фильмов. Ласковая, любит забираться мне на руки. Сидит, свесив лапы, и тогда мне от ее двухсот килограммов немощно тяжело дышать. Сейчас Мика «ушла в науку». На биофаке МГУ она участвовала в экспериментах А. Шубкиной, которая написала диссертацию о рассудочной деятельности животных. Мика показала себя просто умницей. Кстати, ей я обязан тем, что попал на «Мосфильм».

— Как же это произошло?

— Снимался детский фильм «Черный котенок» по сценарию А. Барто. Все дрессировщики отказывались — не престижно.

Котенок ведь не тигр. А трюков, возни — масса. Я же согласился сразу: нужны были деньги, чтобы выкупить Микку. И началось... По сюжету действие происходит в течение суток. Съемочный же период — восемь месяцев, за которые у нас на площадке выросли девять совершенно одинаковых котят-дублеров. Они взбирались по занавескам, играли в «футбол» шариком от пинг-понга, ныряли в рулоны с чертежами, бежали по клавишам. Это непросто. Каждый шаг разучивается, как с ребенком учат азбуку.

— Но все-таки даже черные котята оказались для вас не такой уж плохой приметой? Потом были десятки фильмов. Что помогает вам, дрессировщику, работать с животными на съемочной площадке?

— Многое зависит от актера. Уверен: животные подвержены «гипнозу» хорошей актерской игры. Это своеобразный тест. В «Руслане и Людмиле» И. Ясулович очень талантливо работал с горлицами. Птицы были послушны его плавным жестам. В «Легенде о Тиле» И. Смоктуновский, игравший короля, кормил борзых так, будто и впрямь каждый вечер заходит на псарню.

— Тариэл Варламович, а есть у вас самое любимое животное?

— В Калининграде, где я был на съемках, собака знакомого охотника притащила выдренка. Ходил он плоховато, ножки располагались, но стоило взять малютку на руки — от его молочных зубов ногти с пальцев слетали. Слали выдренка в зоопарк. А там, когда я наведывался с радостью были готовы от него избавиться: забот полон рот. Словом, выкупил я его и на оставшиеся два

рубля несколько дней питался макаронами. Из Сережи — так назвал выдренка — вырос интересный зверь.

Вскоре он уже показывал чудеса ловкости и смекалки. Я много снимал Сережу под водой: эти кадры вошли в «Сказку о царе Салтане». Со сценаристом Аргуновой и режиссером Ельницкой мы сделали фильм «Славный зверь», который, по отзывам знающих людей, открывал много нового о выдре. Жаль, что он так, моему, и остался в недрах проката. Зато сколько восторгов было потом по поводу аналогичных английских лент «Король чистой воды» и «История выдры по имени Тарка».

— В последнее время газеты немало писали о непростых проблемах животных в кино. Что-нибудь изменилось?

— Судите сами — почти тридцать лет назад, сопровождая животных в зооцентр, я проехал на товарняках от китайской границы до Бреста и Ургенча. И поныне возят так же. Животные особенно экзотические, мучаются, мерзнут, бьются, и погибают, не доехав до места съемок.

Но все это «мелочи» по сравнению с фактами гибели животных на съемках. Из-за халатности недавно в одной из киностудий, снимавшей фильм о защите природы (!), утонула рысь. Мне известны случаи, когда после съемок животных отстреливали, как на охоте, избавлялись, как от ненужного реквизита. Что чувствуют после этого люди?

Е. ПРИХОДЬКО.
Туркменская ССР.